

Тема : Экономическое и политическое развитие Соединенных Штатов Америки в конце XIX – начале XX вв.

• Часть 1. Экономическое развитие США в конце XIX – нач. XX вв.

1. Промышленное развитие в последней трети XIX в.:

- Освоение Запада.
- Развитие сельского хозяйства.
- Особенности развития Юга.

2. Антимонополистическое движение. Выступления фермеров.

3. Формирование либерально-реформистской идеологии. Антимонополистическая традиция.

4. Особенности экономического развития в начале XX в.. Американский корпоративный капитализм.

Материал к лекции.

1. Промышленное развитие в последней трети XIX в. Последняя треть XIX в. - период индустриализации и перехода к крупному массовому производству. Основой роста явилось развитие тяжелой промышленности. С 1870 по 1900 г. выплавка чугуна увеличилась в 8 раз, достигнув 15,4 млн т. Применение бессемеровского способа сталеварения (расплавленная железная руда превращалась в сталь путем пропускания через нее холодного воздуха) позволила увеличить ее выплавку в 150 раз, она превысила 10 млн т. В металлургической промышленности на первое место выдвинулся район Великих озер с богатыми, расположенными на поверхности залежами железной руды. Развитие металлургии в громадной степени повысило потребность в каменном угле. Разработка каменноугольных пластов производилась главным образом вдоль цепи Аппалачских гор. Применение механизации позволило значительно увеличить добычу угля; она поднялась к 1900 г. до 270 млн т., увеличившись за три десятилетия в 8 раз.

Развитие металлургической промышленности создало прочную базу для роста других отраслей американской экономики. Особое значение имело завершение к концу 70-х - началу 80-х годов создания в США заводского машиностроения как самостоятельной отрасли производства, которая вносила качественные изменения в производственные процессы во всех отраслях промышленности. Помимо производства оборудования для текстильной промышленности, паровых двигателей, возникло паровозо и вагоностроение, гигантски выросло сельскохозяйственное машиностроение. К началу XX в. США экспортировали сельскохозяйственной техники больше, чем все остальные страны мира имеют взятые.

При всех успехах тяжелой индустрии важную роль продолжала играть пищевая промышленность, опережавшая другие отрасли по стоимости произведенной продукции. С развитием методов консервации и созданием морозильных установок поднялось на промышленный уровень производство мясных продуктов. Быстро увеличивалась выработка электроэнергии, производство химической продукции, добыча и переработка нефти.

Одним из важнейших стимулов экономического развития США явилось железнодорожное строительство. В конце XIX в. капиталы, вложенные в эту отрасль, составляли половину всех промышленных капиталовложений. Для его поощрения правительство предоставляло частным компаниям огромные денежные средства и обширные земельные владения из государственного фонда. Всего железнодорожные компании получили свыше 700 млн дол. субсидий и 215 млн акров земельных владений, т.е. площадь, равную территории Франции. К 90-м годам действовали уже четыре железнодорожных линии, связавшие центральные штаты с Тихим океаном; пятая соединила Атлантический с Тихим океаном по другую сторону канадской границы. Протяженность железных дорог США достигла 190 тыс. миль, что превышало длину железнодорожной сети всех стран Европы. До Гражданской войны чугунные и железные рельсы ввозились в США из Англии, к концу XIX в. они были заменены на стальные, были, кроме того, внедрены тормоза Вестингауза. В результате скорость движения возросла с 25 до 65 миль в час. Железные дороги соединили стальными обручами всю страну, способствовали заселению новых земель, расширили внутренний рынок.

Индустриализация привела к росту миграции населения. Города стали нервными центрами нового промышленного организма, притягивавшими к себе сельское население. В них сосредоточились

капиталы, деловые и финансовые учреждения, железнодорожные узлы, большие массы рабочих и служащих. Население городов удваивалось каждые 20 лет. В 1860 г. в США не было городов с миллионным населением. В 1890 г. численность населения Нью-Йорка, Чикаго и Филадельфии превысила 1 млн человек. К концу XIX в. каждый третий американец жил в городе.

Бурное промышленное развитие и становление развитого индустриального общества в США в конце XIX в. было обусловлено рядом причин. Наиболее важное значение имели результаты Гражданской войны 1861-1865 гг., которая смела рабство и обеспечила торжество буржуазных общественных отношений по всей стране. Принятие в 1862 г. закона о гомстедах знаменовало окончательную победу фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве на большей части территории страны и создало огромный внутренний рынок. Росту промышленности способствовало наличие больших естественных ресурсов, прежде всего угля, железа, леса, нефти, меди. Индустриализация США происходила на базе внедрения передовой американской и европейской техники. Еще до Гражданской войны С. Морзе изобрел телеграф, но только в конце XIX в. он нашел широкое применение. В 1876 г. А.Г. Белл продемонстрировал телефонный аппарат, а через несколько лет телефоны стали атрибутом многих контор. Росту деловой активности способствовали также изобретение пишущей машинки, арифмометра и кассового аппарата; линотип и ротационная машина произвели переворот в книгопечатании и газетном деле. В сфере использования электричества особенно велики были заслуги Т.А. Эдисона: лампы накаливания осветили тысячи домов, был пущен трамвай; изобретатель также усовершенствовал «говорящую машину» - фонограф и внес вклад в создание кинематографа. Все это не только имело большое значение для развития промышленности и транспорта, но и преобразило быт людей, разрушая изолированность и порождая новые интересы, потребности, хотя нередко и стандартизировало их мышление.

Важным фактором индустриализации явилась иммиграция. С 1870 по 1900 г. население США выросло с 40 млн до 76 млн человек. Но это был не только естественный прирост, за этот период в страну прибыли 12 млн иммигрантов. Они бежали от религиозных преследований, растущего милитаризма, надеялись избавиться от гнетущей бедности. С конца 80-х годов поток переселенцев из Англии, скандинавских стран сменился массовой иммиграцией из Италии, Австро-Венгрии и Польши. Иммигранты проделали тяжелую и изнурительную работу по разработке природных богатств страны, поднятию целины, прокладке трансконтинентальных железных дорог. Они обогатили культурное наследие США, добавив ему многие краски.

Быстрое промышленное развитие привело к тому, что в середине 90-х годов XIX в. США обогнали передовые страны не только по темпам экономического роста, но и по объему промышленного производства, национальному богатству и национальному доходу. К началу XX в. США принадлежало около трети мирового промышленного производства.

Развитие американской экономики сопровождалось интенсивным процессом концентрации и централизации производства и капитала. Еще в 70-х годах появились пулы - временные соглашения между независимыми компаниями о единых ценах, тарифах, объемах производства. Позднее набрали силу тресты, объединившие капиталы и управление теперь лишь формально независимыми компаниями целых отраслей промышленности. Первая промышленная монополия - нефтяной трест Рокфеллера «Стандард ойл» - была организована в 1882 г. Сговор с железнодорожными компаниями обеспечил тресту льготные тарифы при перевозке нефти, сходные сделки были заключены и с владельцами нефтепроводов. Демпинг (продажа по бросовым ценам), подкуп законодателей, поджоги нефтехранилищ соперников - все средства были хороши, как показал Г.Д. Ллойд в книге «Богатство против общества», вышедшей в 1894 г. В 80-е годы под контролем «Стандард ойл» находилось 90% всех нефтеочистительных предприятий страны. За созданием «Стандард ойл» последовало образование других монополий: в 1884 г. было монополизировано производство хлопкового масла, в 1885 г. - льняного масла, виски, свинца, в 1887 г. был создан сахарный трест, в 1889 г. - спичечный, в 1890 г. - табачный, к концу XIX в. выросла гигантская стальная корпорация во главе с Э. Карнеги.

Трестирование, поставившее промышленность под централизованный контроль, позволило снизить затраты на управление и производство, в какой-то степени умерить ожесточенную конкуренцию, сделало возможным переход к массовому производству. Но американскому обществу пришлось за это дорого заплатить. В руках немногих крупнейших корпораций была сконцентрирована

колоссальная экономическая власть. Монополии начали оказывать все большее влияние на штатные и федеральные органы власти, на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Освоение Запада. Развитие сельского хозяйства. В последние десятилетия XIX в. США превращались в страну крупного массового производства и гигантских корпораций. Но и фермерская Америка оставалась пока сильной и экономически, и социально. В этом была важная особенность развития США. «Раздвоенность», соседство старого и нового бросалось в глаза европейцам, посещавшим Америку. Ф. Энгельс, обдумывая причины неудач социалистического движения в США, писал: «Америка - самая молодая и в то же время самая старая страна в мире... которая, с одной стороны, занята еще первоначальной задачей, освоением огромной девственной целины, а с другой, вынуждена уже участвовать в борьбе за первое место в промышленном производстве. Отсюда - подъемы и спады движения в зависимости от того, что берет перевес в голове среднего американца - сознание промышленного рабочего или возделывающего целину крестьянина».

Аграрное развитие США после Гражданской войны было не менее динамичным, чем промышленное. Еще в 1865 г. передовая граница белых поселений проходила по рекам Миссисипи и Миссури. За этими пределами простиралась бескрайняя прерия, которая переходила в солончаковые пустыни, заканчивавшиеся у подножия Скалистых гор. Не считая заселенной части Калифорнии, поселений мормонов в Юте и редких сторожевых постов, этот громадный край, составлявший половину территории США, был местом проживания индейцев: на севере - степных племен сиу и арапахов, на юго-западе - апачей и навахо.

Прошло тридцать лет, и все переменялось. Закон о гомстедах открыл Запад для заселения. По-прежнему впереди шли золотоискатели, скотоводов привлекали травянистые степи между Техасом и верховьями реки Миссури. Но главную массу переселенцев составляли земледельцы. Недостаток осадков на Великих равнинах больше не пугал фермеров: имея новые орудия труда и используя различные усовершенствования (глубокие колодцы, ветряные двигатели и др.), они могли вести крупное зерновое хозяйство. На Запад устремились ветераны войны, разорившиеся фермеры восточных районов, мелкие предприниматели, находившиеся в затруднительном положении, отчасти рабочие. Множество наций и религий смешалось в этом потоке. 8 млн иммигрантов влились в новый край, его население возросло на 22 млн человек. Перепись 1890 г. зарегистрировала, что граница, отделявшая свободные земли от занятых, практически исчезла.

С освоением Запада изменилось положение проживавших там индейцев. Видя, что пришельцы захватывают их земли, они не раз поднимались на героическую, но безнадежную борьбу. (Одно из последних сражений произошло в 1877 г. в долине штата Монтана.) Индейским племенам были нанесены тяжелейшие удары. Сначала индейцы были переселены в резервации, а принятый в 1887 г. закон Дауэса ставил целью принудительное интегрирование индейцев в социально-экономическую структуру США. Глава каждой индейской семьи получал в частную собственность 64 га земли, а оставшиеся после раздела общинных земель «излишки» поступали на распродажу. Хозяйство индейцев не было готово к включению в рыночную экономику, а сами они - к конкуренции с белыми фермерами. К 1913 г. индейцы утратили около 20 млн га земель. Фактически разрушению подвергся весь уклад жизни индейцев и его племенные основы. Была утрачена самобытная колоритная культура.

Победа фермерского пути на Западе явилась важнейшей предпосылкой интенсивного развития сельского хозяйства. Общее число ферм в США за 1870-1900 гг. увеличилось с 2,7 млн до 5,8 млн. Примерно в той же пропорции возросла и площадь занимаемых фермерами земель: в 1870 г. она составляла 408 млн акров, а к 1900 г. увеличилась до 839 млн. В течение трех последних десятилетий XIX в. валовая продукция основных сельскохозяйственных культур США (пшеницы, кукурузы) возросла более чем в два раза, поголовье скота также удвоилось. До Гражданской войны США являлись мировым поставщиком хлопка, после войны они стали одним из крупнейших экспортеров хлеба и мяса. Доля сельскохозяйственных продуктов в американском экспорте составляла в 1900 г. 60%.

Одна из причин роста аграрного производства в США - расширение территории фермерского хозяйства. Дикие и пустынные прерии Среднего Запада превратились в житницу страны. Другим фактором стала интенсификация сельского хозяйства. Применение жатки и косилки явилось крупным техническим переворотом. В последней трети XIX в. использование механизации фермерами приняло массовый характер. Появились такие иды сельскохозяйственной техники, как молотилка, комбайн,

сноповязалка. Правительство оказывало помощь в развитии аграрного производства: создавались сельскохозяйственные колледжи и опытные станции. Посланный департаментом сельского хозяйства в Россию агроном Карлтон вывез оттуда засухоустойчивые сорта кубанской и харьковской озимой пшеницы. К 1914 г. они давали почти половину сбора зерновых. В США была ввезена также североафриканская кукуруза. Селекционер Л. Бербанк вывел множество новых сортов овощей и фруктов, среди них грейпфрут - гибрид апельсина и лимона. Были найдены средства борьбы со свиной чумой и ящуром.

Особенности развития Юга. Победа фермерского пути развития на большей части территории США не стирала существенных особенностей в форме и уровне капиталистического развития экономико-географических районов. Большим своеобразием отличалось экономическое развитие Юга. Если для Севера и Запада последняя треть XIX в. - время безусловного экономического роста, то этого нельзя было сказать о хозяйстве Юга. После Гражданской войны там резко снизились экономические показатели: сократились посевные площади, темпы экономического роста значительно отставали от темпов роста по стране. Правда, шло развитие металлургии, табачной и текстильной отраслей, однако это не меняло преимущественно сельскохозяйственного характера Юга. На Юге был лишь один город со стотысячным населением - Новый Орлеан. Хотя значительное число плантаций было раздроблено и распродано, сохранилось и крупное землевладение. В свою очередь, бывшие рабы-негры потерпели поражение в борьбе за землю в период Реконструкции, их лозунг «сорок акров и мул» остался неосуществленным. Отсутствие земли и орудий труда у подавляющего большинства негров привело к формированию на Юге особой формы аренды - кропперства. Кропперами назывались арендаторы-издольщики, черные и белые бедняки, уплачивавшие бывшим рабовладельцам-собственникам латифундией за аренду земли, инвентаря и семян половину и более собранного урожая. Сельское хозяйство на Юге развивалось по капиталистическому пути, но это было медленное, мучительное развитие.

После завершившего Реконструкцию компромиссного соглашения республиканской и демократической партий (1877 г.) на Юге установился своего рода режим политической реставрации, а федеральное правительство закрыло глаза на поднявший там голову расизм. В 1881 г. в штате Теннесси был принят закон о раздельном проезде белых и черных на железнодорожном транспорте, положивший начало легализованной системе расовой сегрегации. В южных штатах стали приниматься законы о раздельном обслуживании негров и белых в ресторанах, гостиницах, больницах и других социально-культурных центрах.

В 1890-1900-е годы в южных штатах были повсеместно изменены избирательные законы с целью лишить права голоса негритянское население. Конституции штатов вводили ценз грамотности и своеобразный имущественный ценз в виде избирательного налога. В результате большинство черных американцев потеряли политические права, завоеванные ими в период Реконструкции.

2. Антимонополистическое движение. Выступления фермеров. Волны недовольства поднимались не только на фабриках и заводах. Концентрация экономического могущества в руках немногих, нарастающее отчуждение власти затрагивали интересы самых широких слоев: фермеров, городских мелких собственников, значительную часть интеллигенции и служащих. Поскольку средние слои имели большой удельный вес в социальной структуре американского общества конца XIX в. (почти половина самодеятельного населения страны занимала промежуточное положение между рабочим классом и буржуазией), существовала массовая база для антимонополистических движений.

Ядро антимонополистического движения составляли фермеры. И это не удивительно. Результатом быстрой капиталистической эволюции американского земледелия в последней трети XIX в. был не только рост сельскохозяйственного производства, но и многие беды, обрушившиеся на фермеров. Одной из причин неблагополучия положения фермеров стал мировой аграрный кризис, разразившийся в начале 70-х годов и затянувшийся до середины 90-х. Выход США на мировой рынок совпал с увеличением вывоза сельскохозяйственных продуктов из других стран - Аргентины, Канады, России, Австралии, что привело к резкому падению цен. Но главным фактором, способствовавшим необычайной продолжительности аграрного кризиса, явилось установление монополистической эксплуатации сельского хозяйства крупным промышленно-финансовым капиталом. Особое возмущение фермеров

вызвали действия железнодорожных компаний, резко повысивших тарифы на перевозку сельскохозяйственной продукции. Чтобы доставить на рынок урожай зерна, полученный с одного акра земли, фермеры нередко должны были отдать владельцам железной дороги стоимость урожая с другого акра. В 80-90-х годах появились мясопромышленные монополии, тресты по производству сельскохозяйственных машин, мукомольные концерны, компании по переработке молока. Цены на пшеницу, хлопок или мясо зависели от мировой конъюнктуры, а цены на товары для дома, сельскохозяйственный инвентарь и удобрения устанавливали тресты, огражденные от конкуренции извне высокими тарифами. В 1870 г. фермер получал один доллар за два бушеля пшеницы (1 бушель = 36,35 литра), а в 1890 г. лишь половину доллара.

Падение сельскохозяйственных цен вело к снижению доходности фермерского хозяйства, а то и к его убыточности. Это влекло за собой рост фермерской задолженности, а невозможность для многих фермеров регулярно выплачивать проценты по долгам нередко вела к разорению и потере собственности. Правда, даже в условиях длительного аграрного кризиса 70-90-х годов развитие капитализма в сельском хозяйстве благодаря наличию фонда свободных земель не сопровождалось еще массовой пролетаризацией фермеров и экспроприацией их земли, трудовая семейная ферма оставалась основным элементом аграрного производства. Но тенденция к этому явно обозначилась. Число наемных рабочих в сельском хозяйстве достигло в 1900 г. 2 млн человек, то есть 20% всех лиц, занятых в земледелии. Если в 1880 г. хозяйства фермеров-арендаторов составляли 25,6% общего числа ферм, то к 1900 г. удельный вес арендуемых ферм увеличился до 35,3%.

Эксплуатация со стороны различного рода капиталистических корпораций вызывала нарастающий протест среди широких слоев фермерства. Три волны фермерского движения поднялись особенно высоко: это были движения грейнджеров, гринбекеров и популистов.

Орден грейнджеров (это название произошло от староанглийского термина «*grange*», что означало поместье, ферма) был основан в 1867 г. В первые годы грейнджерская организация ограничивала свою деятельность просветительскими целями, прежде всего пропагандой сельскохозяйственных знаний. В начале 70-х годов агитация грейнджеров приобрела более радикальную окраску. В программу организации вошло осуждение деятельности посреднических фирм и железнодорожных компаний. Центром движения стали штаты Среднего Запада, где Орден грейнджеров опирался на фермерские клубы и партии (в Миннесоте и Калифорнии они назывались антимонополистическими партиями, в Висконсине и Мичигане - партиями реформ и т.д.). В ряде штатов грейнджерам удалось через законодательные собрания провести законы, регулирующие железнодорожные тарифы на перевозку грузов.

Грейнджерское движение не разрешило насущных фермерских проблем, и в конце 70-х годов основная масса фермеров стала переходить от него к новому массовому движению, которое получило название гринбекерского (от гринбеков, бумажных денежных знаков с зеленой оборотной стороной). Гринбекерское движение, как и грейнджерское, было в основе своей направлено против растущего диктата крупного капитала, но панацеей от всех зол оно считало систему «дешевых денег», увеличение выпуска бумажных гринбеков. В отличие от грейнджеров, гринбекеры сумели организовать в национальном масштабе и привлечь на свою сторону значительное число рабочих. Приняв в 1878 г. название Гринбекерско-рабочей партии, они включили в свою программу ряд требований рабочих. Вскоре, однако, гринбекерское движение пошло на убыль: будучи разнородным по составу и выдвинув весьма расплывчатую программу, оно не могло надолго сплотить своих участников.

В то время, когда грейнджерское и гринбекерское движения клонились к упадку, нарастала новая, наиболее высокая волна антимонополистических выступлений - популистское движение. Популистское движение выросло на базе образовавшихся в 80-е годы «фермерских альянсов», преследовавших цель быстрого решения наиболее неотложных проблем улучшения экономического положения сельскохозяйственных тружеников. К концу 80-х годов многочисленные фермерские альянсы объединились вокруг главных центров - Северного и Южного альянсов, а общее число их членов составляло почти 2 млн человек. Фермерские альянсы вели агитацию против железнодорожных компаний, земельных спекулянтов и посреднических фирм. Они развили значительную активность по созданию кооперативных организаций с целью хранения и сбыта сельскохозяйственной продукции, а также закупки инвентаря, удобрений и промышленных изделий.

Новые фермерские организации охватывали различные группы сельского населения. Наряду с мелкими и средними земледельцами значительная часть крупных фермеров Запада и плантаторов Юга также выступила против монополий. С пшеничных полей Запада и плантаций Юга вышли руководители движения. Игнациус Доннелли - бывший фермер, оратор и автор популярного утопического романа «Колонна Цезаря» - был известен далеко за пределами своего штата Миннесота. Томас Уотсон провозглашал единство фермеров Юга, Мэри Лиз призывала фермеров Запада «поменьше выращивать кукурузы и побольше перца». Перефразируя Линкольна, она говорила: «Это уже больше не народное правительство, избранное народом и для блага народа, а правительство Уолл-стрита, избранное Уолл-стритом и для блага Уолл-Стрита». Объединение Северного и Южного альянсов привело к созданию на съезде в Цинциннати в 1891 г. популистской (народной) партии.

Популистская партия стала центром притяжения многих антимонополистических и реформаторских движений: ее поддержали «национализаторы» - последователи автора знаменитого утопического романа «Взгляд назад» Э. Беллами, ставившие целью обобществление важнейших городских муниципальных служб; последователи Г. Джорджа, требовавшие отмены частной собственности на землю; часть либеральной интеллигенции, выступавшей за демократизацию экономической и политической жизни. В популистском движении принял участие также ряд рабочих клубов, профессиональных союзов и организаций Рыцарей труда. Программа популистской партии, принятая в Омахе в 1892 г., требовала «дешевых денег» (т.е. сохранения биметаллизма), национализации железных дорог и телеграфа, введения прогрессивного подоходного налога, соблюдения закона о 8-часовом рабочем дне на государственных предприятиях. Грозным предупреждением прозвучали на съезде слова: «Каждый доллар, изъятый без соответствующего возмещения, - это уже грабеж» и евангельское «Кто не работает, да не ест».

Популистская партия создала угрозу двухпартийной системе. На выборах 1892 г. кандидат популистов в президенты Джеймс Уивер собрал более миллиона голосов. Выборы привели новую партию к власти в 12 южных и западных штатах, популисты также направили в конгресс 15 сенаторов и членов палаты представителей. Популистское движение еще более усилилось с наступлением кризиса 1893 г. Это был самый глубокий экономический кризис в США за все XIX столетие: свыше миллиона рабочих оказались на улице. Следующий год также был отмечен потрясениями - Пульмановской стачкой, маршем безработных (поход десятитысячной «армии Кокси» на Вашингтон). На промежуточных выборах 1894 г. популистская партия получила более 1,5 млн голосов. Но это был последний ее успех.

Подъем популизма оказал существенное влияние на функционирование двухпартийной системы. Чтобы сохранить свою массовую базу и умерить социальные протесты, республиканцам и демократам необходимо было учитывать находившие отклик популистские лозунги. Первой по этому пути пошла демократическая партия. Лидер партии Уильям Дженнингс Брайан приобрел известность прежде всего как защитник свободной чеканки серебра. Но став на выборах 1896 г. кандидатом демократов на пост президента США, он в какой-то мере отражал интересы аграрной Америки и строил свою программу, учитывая массовое недовольство трестами. Когда Брайан провозглашал: «Вы не можете надеть на чело трудящихся терновый венец, вы не можете распять человечество на золотом кресте», то эта риторика, выражавшая требование отвергнуть золотой стандарт, звучала для многих американцев как призыв к радикальным преобразованиям. Яркая внешность Брайана - черные, как уголь, волосы, горящие глаза, - его речи, пересыпанные цитатами из священного писания, производили огромное впечатление в фермерских аудиториях. Выборы 1896 г. он, однако, проиграл, набрав всего на 600 тыс. голосов меньше кандидата республиканской партии У. Маккинли - ставленника большого бизнеса. Время либерального реформизма еще не наступило, но Брайан явился его предтечей. Не сошли бесследно с исторической сцены и популисты - многие их требования будут восприняты реформаторами в начале XX в.

3. Формирование либерально-реформистской идеологии. Антимонополистическая традиция. В последней трети XIX в. в США продолжала господствовать доктрина классического либерализма, в основе которой лежал принцип «*laissez /aire*» как теоретическое обоснование характера функционирования капиталистической экономики. Провозглашалась свобода хозяйственной деятельности от государственного вмешательства. Государству отводилась лишь роль «ночного сторожа». Эти идеи разделяли академические круги, ведущие политики и бизнесмены. Однако в условиях

роста крупного бизнеса и возникновения монополий социальное звучание старых постулатов серьезно изменилось. Теория экономического либерализма превратилась в своеобразное прикрытие для большого бизнеса, развитию которого благоприятствовало невмешательство государства. Особое влияние приобрели социал-дарвинистские доктрины, сущность которых заключалась в перенесении законов биологической эволюции, сформулированных Дарвином, на общественное развитие. Одним из идеологов социал-дарвинизма стал У. Самнер. В течение многих лет он пропагандировал взгляды, согласно которым основным законом общества является «борьба за существование», в которой выживают «наиболее приспособленные». В Новейшее время борьба за существование проявляется в неограниченной промышленной конкуренции, в ней одерживают верх наиболее сильные, и их победа служит своего рода ферментом дальнейшего прогресса. Представители официальной политэкономии (Д.Б. Кларк, Ф. Уокер) выступили со сходными идеями в защиту крупного бизнеса, подчеркивая его роль в организации производства и оставляя без внимания антисоциальную сторону его деятельности. В апологии большого бизнеса приняли участие и сами «капитаны индустрии». Дж. Рокфеллер, Дж. Хилл рисовали финансово-промышленные империи как высшее достижение естественного отбора. Э. Карнеги в работах «Торжествующая демократия», «Евангелие богатства» на соб-П пенном примере прославлял тресты как «цветы цивилизации». 11)стензии новых хозяев на идейно-культурную гегемонию отразила литература для массового чтения. Основной ее сюжет - бедность в Америке не препятствие для пути наверх: девушка из простой семьи становится женой миллионера, а чистильщик сапог - промышленным магнатом. Таковы были «Рассказы для мальчиков» Р. Дэвиса, пьесы и романы Вэна Биббера. Особенно популярен был О. Элджер, написавший более 80 книг.

Однако еще в 70-80-е годы в различных общественных слоях начались критические выступления против тех или иных сторон деятельности большого бизнеса и особенно утверждавшихся монополий. Одними из первых критиков были «магвампы», отметившие многие пороки «позолоченного века» в политической сфере и выдвинувшие программу определенной демократизации политической жизни. Однако в основе их мировоззрения лежала философия классического либерализма. Они по-прежнему отводили государству роль «ночного сторожа».

Гораздо более решительными были выступления социальных критиков. Л. Уорд, один из основателей социологической науки в США, в 1883 г. в труде «Динамическая социология» первым подверг критике социал-дарвинистскую концепцию. Он исходил из коренного различия между животным миром, где происходит слепая эволюция на основе естественного отбора, и обществом, где эволюция осуществляется под воздействием людей и определяющим фактором прогресса является искусственный отбор. Уорд выступал за использование методов «социального мелиоризма» - планомерного лечения социальных язв, смягчения дурных черт капитализма. Идеи Уорда развили в сфере политэкономии Р. Эли, С. Пэттен. Они подвергли критике теорию классического либерализма и в особенности утверждение о неограниченном праве индивидуумов на частную собственность. Р. Эли выделил в частной собственности два элемента - «индивидуальный» и «социальный». Обращаясь к «социальному» элементу, Эли и его единомышленники обосновывали право на вмешательство государства в экономическую и социальную жизнь для ограничения злоупотреблений монополий и смягчения крайностей неравенства. В 1885 г. была основана Американская экономическая ассоциация, ставшая проводником либерально-реформистских идей в США.

Вместе с тем представления популистов о средствах к достижению их целей не были традиционными. Взамен идеи ослабления центральной власти, популярной со времен Джефферсона, они выдвинули мысль об ответственности правительства за общее благосостояние народа. Система государственных антимонополистических мероприятий, предложенная популистами (от регулирования денежного обращения в интересах народа до перехода в государственную собственность железных дорог и телеграфа), означала отход от принципов свободной конкуренции, а провозглашение «регулируемой конкуренции» выходило за рамки классических либеральных идей. Атакуя монополии, показывая, что крупный бизнес контролирует государственную власть, популисты также выдвинули программу «прямой демократии». Она включала народную инициативу и референдумы по важнейшим вопросам, тайное голосование, прямые выборы сенаторов и президента.

Таким образом, последние десятилетия XIX в. стали временем кардинальных изменений в экономической и социально-политической структуре американского общества. Соединенные Штаты

стали тогда страной развитого индустриального общества. Крупные корпорации уже к концу XIX в. установили свой контроль над экономикой страны, резко возросла их роль в политической жизни общества. Это неизбежно вело к обострению социальных противоречий, к развитию массовых движений социального протеста, что, в свою очередь, потребовало коренного пересмотра традиционных идеологических концепций. Первые выступления с критикой идеологии и практики классического либерализма подготовили базу для выдвижения в начале XX в. новых идеологических концепций, в частности - идеологии либерального реформизма.

4. Особенности экономического развития в начале XX в.. Американский корпоративный капитализм.

Бурное экономическое развитие, характерное для Соединенных Штатов Америки в последние десятилетия XIX в., продолжалось с неменьшей силой в начале XX в. И в тот период продолжали действовать важные факторы, обусловившие ускоренное экономическое развитие США после Гражданской войны. Необычайно быстро шел процесс индустриализации страны, продолжалось развитие высокотоварного фермерского хозяйства, сохранялся чрезвычайно емкий внутренний рынок, 15 млн иммигрантов прибыли в США только за первые полтора десятилетия XX в.

Но одновременно с этим на рубеже XIX и XX вв. в социально-экономической структуре Соединенных Штатов произошли кардинальные изменения: капитализм свободной конкуренции превратился в монополистический, корпоративный капитализм. Начавшееся в 70-х годах XIX в. образование первых монополистических объединений приобрело особенно широкий размах в период 1898-1903 гг. Об этом свидетельствовала вышедшая в 1904 г. книга американского экономиста Джона Муди «Правда о трестах». По его данным, если в 1898 г. в США насчитывалось 82 промышленных треста с общим капиталом в 1 млрд долл., то в 1903 г. число промышленных трестов возросло до 319, а их общий капитал увеличился до 7 млрд дол. Кроме того, в стране действовали 127 железнодорожных трестов и корпораций в других отраслях коммунальных услуг. Всего, следовательно, в начале XX в. в США насчитывалось 446 трестов с общим капиталом в 20 млрд дол. Удельный вес продукции, выпускаемой корпоративными промышленными объединениями, неуклонно возрастал. В 1914 г. они производили около $\frac{3}{4}$ промышленной продукции США.

Только в начале XX в. и стали создаваться по-настоящему гигантские корпоративные объединения. Наиболее ярким примером такого рода стало создание в 1901 г. «ЮС Стал корпорейшн», или Стального треста. Это мощное объединение возникло на базе слияния сталелитейной компании Э. Карнеги и ряда других корпораций под контролем крупнейшего американского банкира Джона П. Моргана. Уже при создании его капитал составил 1,4 млрд дол., в первое десятилетие трест давал почти половину выплавки чугуна в США и $\frac{2}{3}$ производства стали, а его ежегодные доходы достигали 100-150 млн дол.

Продолжался быстрый рост рокфеллеровской «Стандард ойл». В начале XX в. она контролировала 95% нефтяной промышленности США и осуществляла контроль над многими другими промышленными и железнодорожными фирмами. К началу Первой мировой войны ежегодные доходы компании достигли 200 млн долларов.

Очень быстрыми темпами проходило трестирование автомобильной промышленности. Ее развитие было связано прежде всего с именем Генри Форда, талантливого конструктора и организатора производства, приступившего в начале XX в. к массовому изготовлению автомобилей. Перед Первой мировой войной более 80% производства автомобилей в США приходилось на долю трех крупнейших автомобильных трестов-компаний - Г. Форда, «Дженерал моторе» и фирмы «Крайслер». Примерами крупных монополистических объединений в других отраслях промышленности были такие фирмы, как «Интернешнл харвестер», на долю которой приходилось 85% производства сельскохозяйственных машин, «Дженерал электрик», «Америкэн телеграф энд телефон» и др.

Характерной чертой начала XX в. было образование новой формы корпоративных объединений - так называемых держательских (холдинговых) компаний, которые аккумулировали средства сотен тысяч, а затем и миллионов акционеров и использовали эти средства для активных действий на фондовой бирже с целью захвата контрольного пакета акций конкурирующих компаний.

По общему объему промышленной продукции Соединенные Штаты в начале XX в. намного обогнали все другие страны. В 1913 г. они производили 570 млн тонн каменного угля, 31 млн тонн стали, 33 млн тонн нефти. Очень быстро набирали силу новые, наиболее технически оснащенные

отрасли промышленности - автомобильная, электротехническая, химическая.

Громадная концентрация производства сопровождалась в начале XX в. быстрой централизацией капитала и сращиванием банковского капитала с промышленным. Именно в этот период в Соединенных Штатах сложились две наиболее мощные финансово-промышленные группы - группы Моргана и Рокфеллера. Они возглавляли тогда 112 банков, железнодорожных компаний, промышленных и финансовых корпораций. Суммарные капиталы этих двух мощнейших финансово-промышленных групп США составили в начале XX в. около 22 млрд дол., т. е. одну треть всего богатства страны. Таким путем создавалась финансовая олигархия - немногочисленная группа финансовых магнатов - та «тысяча американцев», которая безраздельно господствовала в экономической и социально-политической жизни Соединенных Штатов.

Господствующее положение крупных корпораций в экономической жизни страны существенно изменило характер функционирования капиталистической экономики. Неограниченная монополистическая практика, контроль над производством, сговор крупнейших корпораций о ценах и условиях производства - все это осложняло нормальный ход процесса воспроизводства, вело к углублению и затягиванию экономических кризисов. В условиях кризиса громадные монополистические объединения в отличие от сравнительно мелких предпринимателей эпохи капитализма свободной конкуренции могли поддерживать монопольно высокий уровень цен путем сокращения объемов производства ради поддержания высокого уровня прибылей. Это затягивало кризис, создавало преграды для обновления основного капитала, придавало кризисам особенно разрушительный характер.

Затягивание экономических кризисов, их возросшая разрушительная сила вели к значительному ухудшению положения трудящихся. Росло число безработных, сокращалась заработная плата рабочих, падали доходы мелкобуржуазных групп городского и сельского населения, увеличивались масштабы их разорения. Конечно, кризисы по-прежнему сменялись периодами довольно быстрого экономического подъема. Но в целом социально-психологический менталитет низов существенно изменился. Рабочему противостоял теперь не хозяин относительно небольшого промышленного предприятия, который был связан с ним личностными отношениями, а непонятная для него безжалостная безличная сила в лице крупной корпорации. Под натиском крупного капитала рушились местные территориально-производственные связи, теряли самостоятельность и разорялись массы мелких товаропроизводителей в городах и на фермах.

Неблагоприятные последствия господства магнатов крупного капитала остро ощущали, однако, не только социальные низы общества, но и многочисленные представители средних слоев населения и даже круги немонополистической буржуазии. На рубеже XIX-XX вв., по выражению американского историка Ричарда Хофстедтера, произошла своеобразная «революция статуса» - значительное понижение социального статуса этих общественных групп по сравнению с главами крупнейших корпораций. Наступило время, писал Р. Хофстедтер, когда «любое состояние, любая карьера, любое общественное положение казались незначительными в сравнении с могуществом Вандербилдтов, Гарриманов, Гулдов, Карнеги, Рокфеллеров и Морганов».

Таким образом, в начале XX в. с вступлением Соединенных Штатов в эпоху корпоративного капитализма со всей остротой проявились неблагоприятные последствия экономического и социально-политического господства монополий для основной массы населения страны. Результатом этих процессов было возникновение нового социального противоречия - между монополиями и основными слоями народа. Характерное для традиционного капитализма противоречие между его экономической эффективностью и отсутствием социальной защищенности членов общества выступило на первый план.

• Часть 2. Политическое развитие США в конце XIX – нач. XX вв.

1. Новые черты двухпартийной системы. От Гранта к Кливленду.
2. Активизация внешнеполитического курса США. Особенности положения США в сфере мировой политики.
3. Возникновение либерального реформизма. «Новый национализм» Т. Рузвельта.
4. Эволюция либерально-реформистской политики в первые годы администрации Вильсона.

1. Новые черты двухпартийной системы. От Гранта к Кливленду. Изменения, происшедшие в

развитии американского общества, сказались на политической жизни страны. В прошлом остались противоречия между сторонниками аграрного и промышленного путей развития, сторонниками и противниками рабства. Вместе с ними ушли в прошлое прежние политические битвы республиканской и демократической партий, составлявшие стержень политической истории США в 50-70-е годы XIX в.

Содержание политической истории последней четверти XIX в. определялось прежде всего интересами крупного бизнеса, подчинившего своему влиянию обе главные партии. Стирание принципиальных различий между республиканской и демократической партиями, отсутствие в их предвыборных платформах реформаторских идей привели к утверждению самого консервативного в истории США варианта двухпартийной системы. Республиканская партия имела традиционно прочные позиции в самом развитом промышленном регионе - Новой Англии, отчасти в штатах старого Запада. Здесь за нее голосовали значительная часть рабочих и городская мелкая буржуазия. Республиканцы также опирались на голоса значительной части американцев протестантского вероисповедания. Демократическая партия была в большей степени сориентирована на аграрные круги Юга, Юго-Запада и Дальнего Запада. В городах Востока ее массовую базу составляли рабочие-иммигранты, принадлежавшие к католической конфессии.

Ведущие политические партии осуществляли весьма прочный контроль над электоратом (на выборы приходило до 80% избирателей). В обиход тех лет прочно вошли термины, обозначающие новые явления в двухпартийной системе. К их числу относились «ринг» (хорошо организованная группа неофициальных партийных политиков), «партийная машина» - механизм, действующий с целью сохранения власти в руках той или иной партии, «боссизм» - жестко контролируемая иерархическая система, нацеленная на сохранение и расширение электоральной базы на уровне графства, штата, страны. Утверждению боссизма способствовал партийный контроль над массой иммигрантов. Но главным было складывание прочного союза между партийными машинами и крупным бизнесом.

Все эти обстоятельства в условиях лихорадочного грюндерства и напора новых богачей привели к небывалой коррупции. Она охватила все сферы общественной жизни, поразила обе главные политические партии страны. В получении взяток от одной из железнодорожных компаний были уличены будущий президент Дж. Гарфилд, вице-президенты С. Колфакс, Г. Вильсон. На выборах 1876 г. республиканцам с помощью различных махинаций удалось сохранить за собой Белый дом. Дух коррупции пронизывал гражданскую службу США, контролируемую профессиональными политиками. Сама система «добыча принадлежит победителю», согласно которой пришедшая к власти партия замещает своими сторонниками все посты в государственном аппарате, способствовала расцвету взяточничества. Широкое негодование общественности вызвала огласка чрезвычайно характерной для того времени деятельности организации демократической партии в Нью-Йорке - «Таммани Холл». Этот «ринг» проник во все учреждения муниципалитета и ограбил город почти на 100 млн дол. Таким же образом действовала организация республиканской партии «Гэз Ринг» в Филадельфии.

Политическое преобладание в последней трети XIX в. принадлежало республиканской партии, олицетворявшей могущество индустриальных магнатов и использовавшей моральный авторитет, приобретенный республиканцами при А. Линкольне в годы Гражданской войны (ее противники-демократы называли эту тактику «размахиванием окровавленной рубахой»). В последние десятилетия XIX в. демократы лишь дважды занимали президентское кресло (Г. Кливленд в 1885-1889 и 1893-1897 гг.). Будущий президент В. Вильсон лаконично охарактеризовал этот период в соперничестве партий: «Нет лидеров, нет принципов, нет партий». При отсутствии принципиальных разногласий обе партии делали ставки на «темных лошадей».

Независимо от того, республиканская или демократическая партия господствовала в Белом доме или в конгрессе, внутренняя политика проводилась преимущественно в интересах крупного капитала. Систематически субсидировались корпорации, крупным компаниям раздавались огромные природные богатства страны, через конгресс и законодательные собрания штатов проводились законы, выгодные для большого бизнеса (так, за покровительствовавшую ему политику налогообложения штат Нью-Джерси именовали «матерью корпораций»). Одни лишь денежные субсидии и средства от продажи земельных участков, которые бизнесмены получили от правительства, достигли 5-6 млрд дол. В 1883 г. было проведено полное освобождение промышленников от подоходных налогов.

Основными проблемами, разделявшими республиканскую и демократическую партии, были

вопросы таможенных тарифов и денежного обращения. Республиканская партия, защищая интересы крупного бизнеса, выступала за протекционизм. Лозунгом «высокие тарифы - высокая заработная плата» она стремилась привлечь на свою сторону рабочих. Демократы, чью социальную базу во многом составляли аграрии, опирались на давнюю их приверженность к низким тарифам. Новый аргумент демократов, обращенный к массам, гласил, что высокие таможенные тарифы, подавляя конкуренцию иностранных товаров, способствуют образованию трестов. В целом в конце XIX в. проводилась целенаправленная протекционистская политика, способствовавшая росту американской промышленности, огражденной от иностранной конкуренции. Эта политика приносила огромные выгоды быстро формировавшемуся в стране крупному корпоративному капиталу, давая ему возможность поддерживать за прочной таможенной стеной высокий уровень внутренних цен и одновременно использовать методы демпинга с целью завоевания более прочных позиций на внешних рынках.

Важное место в избирательных кампаниях занимала тема денежного обращения. Во время Гражданской войны федеральное правительство выпустило на 450 млн дол. бумажных денег (так называемых «гринбеков»), не имевших реального обеспечения. После войны они чрезвычайно упали в цене, сохранив лишь до 40% своей номинальной стоимости. Финансово-промышленная буржуазия, заинтересованная в устойчивой валюте, добивалась постепенного перехода к золотому стандарту. Как первый шаг к этому в 1873 г. был принят закон о свободном обмене бумажных денег на золото. Займы, предоставленные ранее крупными банками правительству, оплачивались теперь золотом. Это укрепляло их позиции и поднимало кредитоспособность американских банков за рубежом. Фермеры и мелкие предприниматели стремились погасить свои долги «дешевыми» деньгами, требовали выпуска бумажных и серебряных денег. Законы 1878 и 1890 гг. оставили еще место серебряной валюте, но в 1900 г. биметаллизм (т.е. денежная система на основе двух драгоценных металлов) был окончательно ликвидирован и введен «золотой стандарт». Золотая валюта делалась единственным стандартным мерилем стоимости.

Таким образом, внутренняя политика обеих главных партий была консервативной. Однако ширившиеся протесты против коррупции в государственных службах и против растущей силы корпораций заставляли сделать первые шаги в сторону реформ. Толчок реформе гражданской службы дала небольшая фракция независимых республиканцев, так называемые «магвампы» (индейское слово «*магвамп*» означало старейшина, великий). Цвет магвампов составляла интеллигенция: известные журналисты, университетские преподаватели, писатели. Они считали, что корни многих пороков «позолоченного века», как окрестили это время, обусловлены утратой демократических идеалов прошлого и образованием партийных машин, усилиями которых происходит назначение на государственные должности выскочек из необразованной черни, готовой из корыстных побуждений на все. В 1883 г. конгресс принял закон Пендлтона, введший систему замещения части федеральных должностей на основе конкурсных экзаменов. Несмотря на ограниченный характер (замещалась лишь небольшая часть должностей, экзаменационные тесты для претендентов были предельно упрощены), закон имел положительное значение, поставив в известные рамки деятельность партийных машин.

К последним десятилетиям XIX в. относятся ранние попытки государственного вмешательства в деятельность крупного бизнеса. Принятый в 1887 г. федеральный закон о государственном регулировании междуштатной железнодорожной сети запрещал сговоры между компаниями об установлении монопольной цены на перевозку грузов и пассажиров и осуждал практику дискриминационных тарифов. Для наблюдения создавалась Междуштатная торговая комиссия. Закон 1887 г., несмотря на скромные возможности государственной комиссии, означал провозглашение пусть ограниченного государственного регулирования в одной из сфер экономики, которая стала к этому времени сферой своекорыстной деятельности крупных железнодорожных компаний.

В 1890 г. конгресс принял закон Шермана. Он звучал весьма радикально: «Всякое объединение в форме треста или в любой иной форме, или договор с целью ограничения коммерции или торговли между штатами или с иностранными государствами объявляется незаконным». Но в трактовке судов закон претерпел поразительную метаморфозу. Судебные власти приравнивали к трестам в первую очередь организации тред-юнионов. В то же время Верховный Суд разъяснил в 1895 г. при возбуждении дела против Сахарного треста, что наказываться могут лишь попытки монополизировать сферу торговли, но не производства, а именно это было главной сферой деятельности указанного треста.

2. Активизация внешнеполитического курса США. Особенности положения США в сфере мировой политики.

На рубеже XIX-XX вв. произошли крупные изменения и во внешнеполитическом курсе американского правительства. Бурный рост экономического потенциала страны, превращение Соединенных Штатов в динамичное индустриально-аграрное государство, в одну из наиболее экономически развитых стран мира — все это усилило стремление быстро формирующихся групп монополистической буржуазии к активизации внешнеполитической экспансии, к завоеванию внешних рынков сбыта товаров и сфер приложения капиталов. Эти устремления четко выразил в 1895 г. в своем выступлении на учредительном съезде Национальной ассоциации промышленников видный деятель республиканской партии Уильям Маккинли, вскоре после этого избранный на пост президента США. Он заявил о крайней необходимости получения «иностранных рынков для избыточной продукции, которая переполняет наши внутренние рынки».

Не случайно как раз в конце XIX в. в Соединенных Штатах завершилось формирование идеологии империалистического экспансионизма, в разработке которой приняли участие многие видные ученые, публицисты, политические деятели, представители протестантской церкви. Важнейшим идейным источником экспансионистской идеологии стала теория «предопределения судьбы», в основе которой лежали идеи избранности, особой миссии американцев, которым самой судьбой якобы предопределено установить свое господство над всеми «отсталыми» народами Западного полушария, а затем и всего земного шара. Теория «предопределения судьбы», активно пропагандировавшаяся еще в первой половине XIX в., когда Соединенные Штаты быстро расширяли свои границы на запад, вплоть до Тихого океана, в конце века была тесно увязана с традиционными расистскими догматами о превосходстве англосаксов и с очень популярными в то время социал-дарвинистскими теориями, гласившими, что и в природе, и в обществе, и в отношениях между различными народами непрерывно идет борьба за существование и что в этой борьбе «выживают наиболее приспособленные». Особенно активную роль в пропаганде идеологии империалистического экспансионизма в конце XIX в. играли крупные ученые, представители англосаксонской школы историографии Джон Фiske и Джон Бэрджесс, видный деятель американского протестантизма Джошуа Стронг, один из инициаторов программы создания мощного военно-морского флота Альфред Мэхен, а также группа так называемых «империалистов-практиков» во главе с Теодором Рузвельтом и сенатором Генри Кэботом Лоджем.

Первым решительным актом империалистической экспансии Соединенных Штатов на рубеже XIX-XX вв. стала испано-американская война 1898 г. Внешним поводом, использованным американским правительством для развязывания этой войны, послужили суровые репрессии испанских колониальных властей против участников национально-освободительного движения, боровшихся за независимость Кубы. Заявляя о своем сочувствии борьбе повстанцев, правительство США несколько раз посылало ноты протеста против творимых испанскими властями насилий. Затем эта пропагандистская кампания была подкреплена демонстрацией силы: в Гавану был послан американский крейсер «Мэн». 15 февраля 1898 г. этот крейсер, стоявший на гаванском рейде, внезапно взорвался, унеся с собой жизни 260 американских моряков. Хотя тщательное расследование так и не выяснило истинных причин случившегося, правительство США возложило вину на Испанию и использовало этот предлог для начала военных действий.

Испано-американская война продолжалась около трех месяцев. Испания потерпела поражение и вынуждена была просить мира. По мирному договору, заключенному в декабре 1898 г., Соединенные Штаты получили Филиппинские острова, заплатив 20 млн дол. в качестве компенсации Испании, а также острова Пуэрто-Рико и Гуам. Испания признала независимость Кубы. Однако на острове оставались американские войска, а в 1903 г. Кубе была навязана так называемая поправка Платта, которая предоставила Соединенным Штатам право на интервенцию «в целях защиты независимости Кубы», установила американский контроль над ее внешней политикой и разрешила строить на ее территории военно-морские базы США. Все это фактически превратило Кубу в полуколонию Соединенных Штатов. Наконец, еще одним важным побочным результатом войны США против Испании явилась окончательная аннексия Гавайских островов. Еще в ходе войны американский конгресс принял постановление о присоединении Гавайских островов в качестве «части территории США».

Установление американского колониального господства над Филиппинами вызвало отчаянное сопротивление населения архипелага. Более трех лет филиппинская армия героически сражалась за независимость страны. Однако американские войска беспощадными расправами над филиппинцами в 1902 г. подавили это сопротивление.

Приобретение таких важных владений в бассейне Тихого океана, как Гавайи, Филиппины и Гуам, рассматривалось Соединенными Штатами как завоевание плацдарма для проникновения в страны Восточной Азии, и прежде всего в Китай. Но поскольку Китай к концу XIX в. был уже поделен на сферы влияния крупнейшими европейскими колониальными державами, американское правительство, опираясь на возросшее экономическое могущество Соединенных Штатов, выдвинуло в качестве руководящего принципа своей политики в этом районе курс на экономическое проникновение. Этим целям и служила доктрина «открытых дверей» и «равных возможностей» в торговле с Китаем, которая в качестве односторонней американской декларации была изложена в сентябре 1899 г. в нотах государственного секретаря США Джона Хэя правительствам Англии, Германии, Франции, России и Японии. Тем самым Соединенные Штаты делали первую серьезную заявку на завоевание преобладающих экономических, а на этой базе и политических позиций Америки в Китае.

Однако главные усилия в своей экспансионистской политике в начале XX в. Соединенные Штаты направляли на страны Центральной и Южной Америки. Американское правительство опиралось при этом на новое истолкование доктрины Монро. Еще в 1895 г. государственный секретарь США Р. Олни в ноте Англии провозгласил исключительную ответственность США за положение в странах Латинской Америки. Еще более расширительную интерпретацию доктрины Монро дал в 1904 г. президент Т. Рузвельт. Он заявил, что Соединенные Штаты не только намерены взять на себя ответственность за урегулирование любых споров между странами Латинской Америки и европейскими странами, но в случае «хронических беспорядков» в какой-либо латиноамериканской стране должны «взять на себя роль международной полицейской силы».

К этому времени у Соединенных Штатов уже был первый опыт применения подобной политики «большой дубинки» по отношению к странам Латинской Америки. Превратив Кубу в полуколонию и получив там опорные базы, США стали добиваться строительства межокеанского канала через Панамский перешеек и установления единоличного контроля над ним. Американское правительство заключило договор с правительством Колумбии о строительстве и эксплуатации канала на территории Панама, являвшейся тогда северной провинцией Колумбии. Однако колумбийский сенат отказался ратифицировать проект этого договора. Тогда в ноябре 1903 г. Соединенные Штаты организовали в Панаме мятеж против Колумбии и послали к берегам Панама морскую пехоту. Панама была объявлена независимой республикой и сразу же подписала договор, предоставивший Соединенным Штатам исключительное право на сооружение канала, постройку железных дорог и возведение укреплений вдоль линии канала.

Объектами американской политики «большой дубинки» стали в начале XX в. и некоторые другие государства бассейна Карибского моря. Помимо Кубы и Панама в их число входили тогда Доминиканская республика, Гаити, Гондурас, Никарагуа. В этих странах Соединенные Штаты неоднократно высаживали свои войска, устраивали перевороты, поддерживали марионеточные режимы. В Южной Америке, где американской экспансии противостояли сильные европейские соперники, позиции Соединенных Штатов были тогда значительно слабее, и на первый план в действиях американского правительства выступали здесь методы экономической экспансии.

Таким образом, уже в начале XX в. Соединенные Штаты Америки стали играть значительную роль в мировой политике. В их лице возникла новая сильная империалистическая держава, заявившая свои претензии на эксплуатацию колоний и сфер влияния. В этом отношении положение США напоминало в тот период положение Германии - другой относительно молодой империалистической державы.

Но все же важнейшим противником Англии - крупнейшей тогда колониальной державы мира - стали в начале XX в. не Соединенные Штаты, а Германия, уже тогда практически поставившая вопрос о переделе мира. Именно с Германией Англия сталкивалась во всех частях земного шара. В лице Соединенных Штатов у Англии появился в начале XX в. новый конкурент, дававший о себе знать главным образом в странах Западного полушария. Однако перед лицом острейших англо-германских

противоречий возникшие в тот период англо-американские противоречия отходили на второй, а то и на третий и т. д. план. Ни в большинстве стран Азии, ни в Африке, ни в Южной Америке, не говоря уже о Европе, Соединенные Штаты не играли тогда сколько-нибудь крупной роли. Зарубежные инвестиции США в начале XX в. были во много раз меньше громадных иностранных капиталовложений европейских держав. Да и сами Соединенные Штаты вплоть до Первой мировой войны находились на положении должника европейских стран. По сути дела они еще не стали тогда по-настоящему великой державой.

Налицо был своеобразный парадокс: Соединенные Штаты обладали несомненным экономическим первенством, но в то же время их роль в сфере мировой политики оставалась относительно второстепенной. В основе этого парадоксального положения лежали особенности экономического развития США в течение предшествующих десятилетий: массовое заселение свободных земель Запада и быстрое развитие в этих районах высокотоварного фермерского хозяйства, быстрая индустриализация страны, более высокий жизненный уровень населения, более высокая, чем в основных странах Западной Европы, заработная плата рабочих. Все это создавало в Соединенных Штатах чрезвычайно обширный внутренний рынок, какого не было тогда ни в одной другой стране. Промышленность США почти на 90% работала на внутренний рынок.

Следствием этих особенностей исторического развития США было то, что американская буржуазия в начале XX в. меньше, чем буржуазия других стран, была заинтересована во внешних рынках сбыта и сферах приложения капитала, так как она сохраняла широкие возможности прибыльно вкладывать капиталы внутри страны. Вот почему даже в начале XX в. экономическая экспансия США за их рубежами была еще сравнительно невелика, а позиции Соединенных Штатов на международной арене далеко не соответствовали их экономическому могуществу. Не случайно в широких массах населения США очень сильными оставались традиции изоляционизма, невмешательства в европейские дела, и даже в кругах американской буржуазии были широко распространены традиционные изоляционистские идеи о неприемлемости для Соединенных Штатов «обязывающих» союзов с европейскими странами. И только Первая мировая война кардинально изменила ситуацию. Она внесла решительные изменения в международные позиции Америки.

3. Возникновение либерального реформизма. «Новый национализм» Т. Рузвельта.

Массовые движения социального протеста, охватившие Соединенные Штаты в начале XX в., убедительно показали, насколько острые социально-политические проблемы стояли перед американским обществом. От решения этих проблем зависело его дальнейшее поступательное развитие. Между тем индивидуалистические доктрины, на которых основывалась в конце XIX в. политика обеих традиционных политических партий США, показали свое полное бессилие. В порядок дня стал вопрос о необходимости позитивных регулирующих действий государства с целью приспособления американского общественным условиям, созданным формированием системы корпоративного капитализма.

Именно эти задачи и пытались решить в начале XX в. идеологи и политики, выступившие с широкой программой либерального реформизма. Теоретическая база либерально-реформистской программы была подготовлена трудами крупных представителей американской философии, политэкономии, политологии и юриспруденции Джона Дьюи, Торстейна Веблена, Герберта Кроули, Луиса Брандейса. В отличие от теоретических построений экономистов и социологов 80-90-х годов XIX в. Л. Уорда и Р. Эли теоретики либерального реформизма выдвинули и разнообразные практические программы, на которые могли опереться деятели федерального правительства.

Уже в самом начале нового столетия в Соединенных Штатах были предприняты первые попытки практического воплощения либерально-реформистских программ. Их инициатором выступил видный деятель республиканской партии Теодор Рузвельт (1858-1919), занявший президентский пост в сентябре 1901 г. после убийства президента У. Маккинли анархистом. Впервые после Гражданской войны главой федеральной исполнительной власти стал столь крупный политический деятель, человек незаурядных способностей и неумной энергии. Правда, в 90-х годах XIX в. Рузвельта знали прежде всего как убежденного сторонника социал-дарвинизма и агрессивного экспансионизма. Мало кто ждал от него тогда шагов в сторону реформ. Но оказавшись на президентском посту, он проявил себя дальновидным

и гибким политиком, осознавшим необходимость решительной смены политического курса правительства.

Теоретической основой либерально-реформистской политики Т. Рузвельта, получившей название программы «нового национализма», стали воззрения, которые в наиболее законченной форме были изложены Гербертом Кроули в книге «Перспективы американской жизни» (1909). Реформистская концепция Г. Кроули исходила из того, что в новых условиях господства гигантских трестов, поставивших под угрозу традиционную систему политических институтов и поддержание социального мира в стране, необходимо решительно отказаться от главного догмата классического либерализма — концепции «пассивного государства» — и предоставить государству роль основного регулятора жизни общества.

Программа «нового национализма» нашла свое конкретное практическое воплощение прежде всего в начатой Теодором Рузвельтом шумной кампании против трестов. Администрация президента в первые же годы его деятельности возбудила ряд судебных процессов против крупных монополистических объединений. Первым среди них стал процесс против гигантского железнодорожного треста «Норзерн секьюрити», который был создан путем слияния нескольких крупных железнодорожных фирм. В 1903 г. Рузвельт добился судебного решения о роспуске этого громадного корпоративного объединения по обвинению в нарушении им антитрестовского законодательства. За этим последовали судебные процессы против чикагского треста скотобоен, табачного и сахарного трестов и других крупных монополистических объединений.

В то же время Т. Рузвельт категорически отверг выдвинутую популистами и подхваченную радикальными реформаторами начала XX в. идею роспуска трестов. Он утверждал, что тресты представляют собой закономерный результат свободной конкуренции, неизбежный и в целом прогрессивный итог эволюции американской экономической системы. Поэтому задача государства состоит не в том, чтобы разрушать тресты, а в том, чтобы регулировать их деятельность, ограничивать «дурные» и поощрять «хорошие» стороны трестов.

Разумеется, антитрестовская кампания, проводившаяся Т. Рузвельтом, имела главным образом пропагандистский эффект и никак не могла остановить рост крупных корпораций. Но все же эта кампания имела и определенный позитивный результат. Она подтверждала важный тезис антимонополистической критики: деятельность трестов наносит ущерб общественному благосостоянию, а следовательно, ее надо ограничить. К тому же за два срока своего президентства Теодор Рузвельт провел и некоторые меры по ограничению наиболее вопиющих проявлений монополистической практики крупных корпораций. Более эффективным стало регулирование железнодорожных фирм. Принятый в 1906 г. закон Хэпберна расширил полномочия Междугосударственной торговой комиссии, предоставив ей право устанавливать максимальный уровень железнодорожных тарифов. Тогда же был принят закон о контроле федеральных властей над предприятиями крупных фирм по изготовлению продуктов питания и лекарств. Наконец, правительство Рузвельта сыграло важную роль в борьбе против расхищения естественных богатств страны. Фонд общественных земель, находившихся под охраной государства, был значительно расширен. Были созданы первые национальные парки, проведены меры по ирригации засушливых районов на западе страны.

Политика либерального реформизма, начатая Т. Рузвельтом с первых же лет его президентства, была весьма популярной в широких массах населения страны. В глазах многих американцев Рузвельт выглядел как «разрушитель трестов». Не удивительно, что в 1904 г. он был переизбран президентом, одержав крупную победу над кандидатом демократов. На следующих президентских выборах 1908 г. Рузвельт не решился нарушить сложившуюся в Соединенных Штатах традицию и не выставил свою кандидатуру на третий срок. Однако новый избранник республиканцев Уильям Говард Тафт рассматривался как твердый сторонник и последователь Теодора Рузвельта. Не случайно он одержал победу над более опасным, чем в 1904 г., соперником — Уильямом Дж. Брайаном, который вновь, как в 1896 и 1900 гг., был выставлен демократами их кандидатом в президенты и который поставил в центр своей предвыборной агитации радикальную программу разрушения трестов.

Однако Тафт оказался далеко не столь дальновидным и гибким государственным деятелем, каким был Теодор Рузвельт. Если Рузвельт занимал, как правило, достаточно независимую позицию по отношению к корпоративному бизнесу, то Тафт нередко выступал с прямой поддержкой его претензий,

прямо афишируя свои связи с магнатами трестовского капитала. Став президентом, он взял курс на свертывание реформ. Это вызвало серьезное недовольство в стране. В обеих партиях усилилось размежевание между либералами и консерваторами, активизировали свои действия радикальные течения. В республиканской партии возникла новая оппозиционная группа, оформившаяся в 1911 г. в Национальную прогрессивную республиканскую лигу. Лидером прогрессистов, как стали называть ее сторонников, выступил сенатор Р. Лафоллет. В демократической партии отчетливо сказывалось влияние идей брайанизма. В преддверии избирательной кампании 1912 г. Соединенные Штаты оказались в состоянии глубокого партийно-политического кризиса.

4. Эволюция либерально-реформистской политики в первые годы администрации Вильсона.

В 1913 г. с приходом Вудро Вильсона в Белый дом в Соединенных Штатах начался новый тур либерального реформаторства. Основа для первых шагов новой администрации по пути реформ была создана еще в предшествующие годы. Так, в феврале 1913 г., еще до вступления Вильсона на президентский пост, вошла в силу 16-я поправка к Конституции США о введении для всего населения страны подоходного налога. На основании этой поправки правительство Вильсона провело через конгресс закон об установлении прогрессивно-подоходного налогового обложения. Вводился налог в размере 1% с доходов свыше 3 тыс. дол. в год, а по мере увеличения доходов ставки налога постепенно увеличивались вплоть до установления максимальной ставки в 6% для доходов, превышавших 500 тыс. дол. в год. В мае 1913 г. было осуществлено другое важное преобразование: вступила в силу 17-я поправка к Конституции, согласно которой сенаторы федерального конгресса стали впредь выбираться не законодательными собраниями штатов, как это было ранее, а путем прямого голосования избирателей.

Но основные усилия президента Вильсона в первые месяцы деятельности его администрации были направлены на проведение через конгресс нового тарифного билля, который предусматривал существенное снижение протекционистских таможенных пошлин на ввоз иностранных товаров. По мнению Вильсона и других лидеров демократической партии, промышленность США в начале XX в. уже не нуждалась в политике строжайшего протекционизма. Тарифный билль, инициатором которого был конгрессмен-демократ Оскар Андервуд, быстро получил одобрение палаты представителей, но надолго застрял в сенате. Вновь, как обычно, Вашингтон наводнили лоббисты крупных корпораций, которые пытались добиться сохранения высоких тарифов. Но на сей раз действия лоббистов были решительно пресечены президентом. Вильсон оказал давление и на фракцию демократов в сенате. В октябре 1913 г. тарифный билль Андервуда стал законом, что впервые после Гражданской войны привело к значительному снижению тарифных ставок.

Еще более важное значение в политике правительства Вильсона приобрел вопрос о необходимости реформы банковской системы. По сравнению со структурой банковской системы крупнейших европейских стран тогдашняя банковская система Соединенных Штатов была чрезвычайно хаотичной и раздробленной. В стране насчитывалось более 30 тыс. банков. Какой-либо системы централизованного контроля за их операциями не существовало. В начале XX в., на новой стадии экономического развития США, это стало уже настоящим анахронизмом.

Первые попытки реорганизации банковской системы США были предприняты еще в 1908 г. Проект, разработанный под руководством сенатора-республиканца Нельсона Олдрича, непосредственного представителя корпоративного капитала, предусматривал создание центрального банка с системой зависящих от него филиалов в различных регионах. Однако в стране существовала давняя, исторически сложившаяся еще со времен Т. Джеф-ферсона и Э. Джексона сильная оппозиция широких слоев населения созданию центрального банка. Против проекта Олдрича решительно выступили прогрессистские группировки в обеих политических партиях. Администрация Вильсона не могла не считаться со столь сильной оппозицией. Поэтому закон о реорганизации банковской системы США, разработанный правительством и принятый в декабре 1913 г. конгрессом, представлял собой определенный компромисс. По условиям закона, в Соединенных Штатах создавалась Федеральная резервная система. Территория страны была разделена на 12 округов, в каждом из которых был организован резервный банк, объединявший значительную часть банков региона. Во главе этой системы было поставлено Федеральное резервное управление, состоявшее из представителей крупных банков и

федерального правительства. Хотя по своему формальному построению Федеральная резервная система имела децентрализованный характер, ее создание означало на практике консолидацию финансово-банковской системы США. Постепенно она стала превращаться в важнейший аппарат централизованного контроля государства над экономической жизнью страны.

В первые же годы президентства Вильсона было проведено несколько новых мер по ограничению операций трестов. Так, в сентябре 1914 г. в соответствии с программой «новой свободы» администрация Вильсона провела через конгресс антитрестовский закон Клейтона, который предусматривал введение ряда дополнительных мер запрета монополистической практики крупных фирм. В частности, им запрещалось продавать свою продукцию различным покупателям по неодинаковым ценам. Запрещалась также широко распространившаяся тогда в США система «перекрещивающегося директората», с помощью которой небольшая группа финансовых магнатов держала под своим жестким контролем деятельность сотен промышленных и финансовых объединений. Однако и после принятия закона Клейтона антитрестовское законодательство Соединенных Штатов по-прежнему оставалось малоэффективным, а то и просто блокировалось решениями Верховного суда.

Другим мероприятием антитрестовского характера стало создание в октябре 1914 г. Федеральной торговой комиссии. Ей предписывалось, по закону, выявлять все случаи монополистической практики крупных корпораций, расследовать их, а затем передавать в судебные органы для принятия решения. Практическая деятельность Федеральной торговой комиссии, по сути дела не выходящая за рамки рузвельтовской политики регулирования трестов, отнюдь не отличалась большой эффективностью и нередко сводилась на нет решением судов.

Наконец, в течение первого срока президентства Вильсона были проведены первые элементарные меры в сфере федерального социального законодательства, которые при всей их ограниченности все же закладывали первоначальные основы современной социальной политики американского государства. Так, было несколько ограничено применение детского труда, был установлен 8-часовой рабочий день для железнодорожников, учреждена система компенсации за увечья на производстве рабочим, занятым на предприятиях, выполняющих государственные заказы. В составе федерального правительства было создано специальное министерство труда. Активизировалась и аграрная политика федеральных властей. В 1914 г. конгресс принял закон об агротехнической помощи фермерам и о создании с этой целью сети правительственных представителей — сельскохозяйственных агентов в графствах. За ним последовал принятый в 1916 г. сельскохозяйственный кредитный акт, который создавал систему государственных и акционерных земельных банков, получивших право выдавать фермерам ипотечные займы при значительном увеличении сроков погашения долга и сокращении процентных ставок по долгам.

Таким образом, либеральные реформы, проведенные в течение первых полутора десятилетий XX в., стали важным этапом в истории Соединенных Штатов, в социальном прогрессе страны. Не случайно этот период вошел в историю США как «прогрессивная эра». При всей своей ограниченности эти реформы представляли собой первые шаги к внедрению в структуру традиционного капитализма социального фактора, к созданию первоначальных основ системы социальной защиты граждан, а значит, к приспособлению американского общества к назревшим потребностям социального прогресса, к новой обстановке, созданной превращением Америки в страну корпоративного капитализма.